

Научная статья

УДК 811.512.15'342

DOI 10.17223/18137083/81/20

Позиционная долгота гласных в южносибирских тюркских языках

Ираида Яковлевна Селютина

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

siya_irina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9457-3237>

Аннотация

Статья посвящена анализу позиционной долготы гласных, функционирующей в тюркских языках различных регионов, в том числе и южносибирских. Длительность как кардинальный признак гласных всегда находилась в центре внимания тюркологов, но рассматривались в основном два типа долгот – этимологическая и вторичная; позиционная долгота оставалась вне интересов исследователей. Вместе с тем существенное – вплоть до длительности стяженных единиц – удлинение широких гласных в определенном фонетическом контексте сформировалось в закономерность, последовательно и систематично реализующуюся в тюркских языках и свидетельствующую об исторических взаимодействиях с языками кыпчакской группы.

Ключевые слова

тюркские языки, экспериментальная фонетика, вокализм, долгота гласных

Для цитирования

Селютина И. Я. Позиционная долгота гласных в южносибирских тюркских языках // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 257–272. DOI 10.17223/18137083/81/20

Positional length of vowels in South Siberian Turkic languages

Iraida Ya. Selyutina

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

siya_irina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9457-3237>

Abstract

Representing a cardinal feature of vowels, duration has always been in the focus of Turkologists. However, only two types of length, etymological and secondary, have been considered. Positional duration, manifested in the prolongation of the wide vowels of an open syl-

© Селютина И. Я., 2022

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 257–272
Siberian Journal of Philology, 2022, no. 4, pp. 257–272

lable before a syllable with a narrow vowel, has not been fully covered in theoretical research. The significant lengthening of open vowels up to the duration of the contracted unit evolved into a pattern that was consistently and systematically implemented in the Turkic languages. This paper summarizes for the first time the auditory and instrumental data available in the literature on the South Siberian Turkic languages. It reveals the commonality and specifics of the pattern considered in various languages. A comparative analysis allowed identifying two groups of languages. In Kumandy, Shor, Telengit, and Tuvan, the first syllable of bi- and polysyllabic words can have all the wide vowels lengthened both before the non-labialized narrow *ы, и*, and before the labialized *у, ү*. Khakass, Chalkan, Tuba, Altai-kizhi, and Baraba-Tatar have this pattern only before *ы, и*. In Khakass and Baraba-Tatar, positional vowel lengthening of the non-first syllable of polysyllabic words is possible only in preposition to guttural *з* and *ж*. In other languages, any voiced or sonorous consonant does not prevent the positional lengthening. The pattern of positional lengthening of vowels that is typologically common to the Kipchak Turkic languages in the phonetic system indicates the historical interactions with the languages of the Kipchak group.

Keywords

Turkic languages, experimental phonetics, vocalism, vowel length

For citation

Selyutina I. Ya. Positional length of vowels in South Siberian Turkic languages. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 4, pp. 257–272. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/81/20

Введение

Статья посвящена анализу позиционной долготы гласных, функционирующей в тюркских языках различных регионов, в том числе в языках народов Южной Сибири. Проблемы долготы гласных всегда находились в центре внимания тюркологов, но рассматривались в основном два типа долгот – первичная, или этимологическая, и вторичная, или стяженная; позиционная долгота оставалась вне теоретических интересов исследователей.

Вместе с тем существенное – вплоть до длительности стяженных единиц – удлинение широких гласных в определенном фонетическом контексте сформировалось в закономерность, последовательно и систематично реализующуюся в тюркских языках.

Цель статьи – сопоставить имеющиеся в тюркологической литературе аудитивные и экспериментально-фонетические данные, выявить общность и специфику в реализации рассматриваемой закономерности.

История формирования проблематики позиционной долготы гласных

В тюркских языках различия гласных по длительности используются в качестве системообразующего признака: фонемы противопоставляются как краткие и долгие. Дискуссия о лингвистическом статусе квантитативных параметров гласных ведется в тюркологии с середины XIX в., но до сих пор не утратила своей остроты.

Кроме проблемы происхождения этимологической и стяженной долгот, в тюркологии с середины прошлого века обсуждается – в том числе и на материале сибирских тюркских языков – вопрос о функционировании и статусе позиционной долготы гласных, проявляющейся в удлинении широких гласных открытого слога перед слогом с узким гласным.

Впервые термин «позиционные долготы» использовала Л. А. Покровская в «Грамматике гагаузского языка...». Описывая вокальную систему языка гагаузов, она отмечает: «Гласный нижнего подъема (широкий) *a* и гласные среднего подъема (полуширокие) *e*, *o*, *ö* в первом безударном слове становятся долгими, если за ними следуют узкие гласные в ударном слове. Обычно это бывает конечный слог. При этом ударные узкие гласные – краткие, слегка редуцированные» [Покровская, 1964, с. 37–38].

Исследователь сибирских тюркских языков Н. П. Дыренкова, говоря о локализации шорского ударения на последнем слове и трактуя его как долготное, отмечает ряд исключений, когда ударение падает на 1-й слог и вообще на слог с широким гласным: *парбадым*, *келбессин* и т. д.

Профессор М. Ряснен значительно расширяет ареал распространения данной закономерности. Он отмечает удлинение широких гласных в турецком, карачаевском, чувашском, башкирском, хакасском (койбальский диалект), киргизском и казахском языках, считая это явление особенно характерным для языков Поволжья.

Н. К. Дмитриев указал на удлинение конечного гласного туркменских именных основ перед аффиксами личной принадлежности 1-го и 2-го лица. Р. М. Бирюкович констатирует аналогичное удлинение гласных в чулымско-тюркском языке и перед аффиксами 3-го лица, трактуя это явление как рефлекс былой оппозиции в языке по краткости-длительности [Бирюкович, 1975].

Но во всех указанных работах отмечаются лишь частные моменты общей закономерности. Тюркологи, описывающие регулярное появление позиционной долготы гласных в шорском (Н. П. Дыренкова), туркменском (Н. К. Дмитриев), чулымско-тюркском (А. П. Дульзон, Р. М. Бирюкович) языках, констатировали это явление перед аффиксами личной принадлежности.

Наиболее адекватно универсальная для многих тюркских языков особенность отражена М. И. Боргояковым, зафиксировавшим для хакасского вокализма удлинение широких гласных «нормальной» долготы до длительности стяженных, т. е. долгих, перед слогом с узкими *ы* и *и* независимо от морфологической структуры слова [Боргояков, 1966]. Позднее это наблюдение было подтверждено, дополнено и развито на экспериментально-фонетическом материале по сагайскому и качинскому диалектам хакасского языка Г. В. Кыштымовой.

При такой трактовке удлинение конечных гласных именных основ перед аффиксами личной принадлежности, отмеченное Н. К. Дмитриевым для туркменского и Р. М. Бирюкович для чулымско-тюркского, а также отсутствующие в туркменском и якутском чулымско-тюркские долгие гласные в двусловных словах типа *se:mis* 'жирный', *te:mir* 'железо' можно рассматривать как частные моменты общей закономерности. Во всех этих случаях следует говорить не о восстановлении так называемой первичной долготы гласных, а о позиционном удлинении (более) широких гласных перед (более) узкими [Селютина, 1998, с. 48–49].

Позиционная долгота гласных в южносибирских тюркских языках по аудитивным и инструментальным данным

Интерес лингвистов к проблематике позиционной долготы гласных актуализировался в 1980-е гг. в связи с введением в информационное пространство тюркологов большого объективного экспериментально-фонетического материала по сибирским языкам различного генезиса и типологии, полученного под руково-

дством Заслуженного деятеля науки Тувинской АССР В. М. Надеяева с применением разработанной им комплексной исследовательской методики, включающей как собственно лингвистические, так и аппаратные методы и приемы.

Наибольший массив данных получен по тюркским языкам, диалектам и говорам и хранится в архиве ЛЭФИ ИФЛ СО РАН. Инструментальные материалы послужили надежной и информативной источниковой базой, в том числе и при решении дискуссионных проблем природы и статуса долготы гласных – первичной, стяженной и позиционной.

Ниже анализируются результаты исследований, выполненных и опубликованных фонетистами Сибири. Используются материалы по хакасскому языку [Кыштымова, 2001]; диалектам алтайского языка (большинство из которых получили статус самостоятельных языков): северным – кумандинскому [Селютина, 1998], чалканскому [Федина, Широбокова, 2019], тубинскому [Сарбашева, 2004], и южным – алтай-кижи (онгудайский говор [Баданова, 2011], усть-канский и усть-коксинский говоры [Селютина, Добринина, 2015]), теленгитскому [Дарыджи, 2021]; тувинскому (каа-хемский говор) [Дамбыра, 2005]; языку барабинских татар [Рыжикова, 2007].

Хакасский язык. Тенденция хакасского вокализма к удлинению широких гласных *a, e, o, ö*, а также этимологически широкого гласного *u* (восходящего к **ä*) в позиции перед узкими *y, i* до длительности стяженных зафиксирована и квалифицирована как «фонетический закон хакасского языка» М. И. Боргояковым. Исследование данного фонетического явления аппаратным способом, выполненное Г. В. Кыштымовой, позволило не только подтвердить эти выводы, основанные на слуховых наблюдениях, но и развить их [Кыштымова, 2001, с. 92–103; 133].

Анализ хакасских бисиллабов со слоговой структурой V-CVC¹ (*агыр* ‘болеи’, *адыр* (междометие), *эмис* ‘соси’, *одыр* ‘садись’, *өдик* ‘обувь’, *изир* ‘пьяней’, *игир* ‘кривой’) с неоднородной вокальной осью, представленной широкими гласными в 1-м слоге и узкими – во 2-м (*a-y, o-y, э-i, ö-i*, а также *u-i*) показал, что гласные инициальных слогов превышают по длительности финальные гласные в среднем в 3,1 раза. Квантитет широких гласных возрастает до длительности стяженных долгих, происходит чередование короткого гласного с долгим.

Позиционное удлинение широких гласных констатируется в двуслогах с кратким звонким или сонорным согласным в интервокале. В бисиллабах с глухим долгим интервокальным согласным (*очы* ‘младший’, *читі* ‘семь’, *хаты* ‘жена=его’, *ачых* ‘открытый’, *өкіс* ‘сирота’, *хатыг* ‘твердый’, *читір* ‘донеси’, *көкіс* ‘заяц=его’) удлинения гласных 1-го слога не происходит.

В трисиллабах все широкие гласные 1-х слогов удлиняются до долгих в позиции перед слогами с узкими *y, i*. Во 2-м открытом слоге удлиняются лишь широкие гласные *a, э* в препозиции к узким *y, i*, если между ними находятся согласные *z, z*: *харагы* ‘глаз=его’, *хулагы* ‘ухо=его’, *чүрегі* ‘сердце=его’, *тирегі* ‘тополь=его’, *ибдегі* ‘домашний’. Если же между широким и узким гласным оказываются другие согласные, удлинения широких гласных медиального слога не отмечается: *палазы* ‘ребенок=его’, *пазаны* ‘правописание’, *хозаны* ‘заяц=его’.

Кумандинский язык. Инструментальные исследования показали, что в бисиллабах со слоговой структурой типа CV-CVC (табл. 1) средняя относительная дли-

¹ Здесь и далее: С – согласный, С_{1 (2, 3)} – 1-й (2-й, 3-й) согласный словоформы; V – гласный, V_{1 (2, 3)} – гласный 1-го (2-го, 3-го) слога.

тельность (СОД²) широкого гласного *a* 1-го открытого слога составляет 160,4 % СДГ; СОД узкого гласного *ы* 2-го слога – 39,6 % СДГ; соотношение $V_1 : V_2 = 4,06$ [Селютина 1998, с. 33–49].

Таблица 1
Длительность гласных *a* и *ы* в кумандинских бисиллабах
типа CV-CVC

Table 1

Duration of vowels *a* and *ы* in Kumandy bisyllabs
of the CV-CVC type

№	Словоформа и ее значение	Относительная длительность, %							V ₁ :V ₂
		к СДЗ					к СДГ		
		C ₁	V ₁	C ₂	V ₂	C ₃	V ₁	V ₂	
1	ta:ɔʁɪm 'гора=моя'	80,0	230,7	52,8	58,3	78,1	159,6	40,4	3,95
2	ta:ɔʁɪm 'гора=моя'	59,9	249,0	53,4	57,8	80,0	162,4	37,7	4,31
3	ta:ɣɪm 'порох=мой'	74,5	236,6	23,1	77,0	88,8	150,9	49,1	3,07
4	ta:ɣɪm 'порох=мой'	99,0	219,1	49,5	56,5	75,7	159,0	41,0	3,88
5	sa:dʁɪp 'продав'	88,8	201,0	53,0	33,8	123,3	171,2	28,8	5,94
6	sa:dʁɪp 'продав'	88,7	215,1	58,1	47,8	90,3	163,6	36,4	4,50
7	sa:ɔʁɪm 'сак=мой'	122,6	186,5	58,6	56,2	75,9	153,7	46,3	3,32
8	sa:ɔʁɪm 'сак=мой'	116,5	191,1	49,1	38,8	64,7	170,3	29,7	5,73
9	qa:dʁɪm 'бумага=моя'	62,3	235,2	68,0	45,3	89,3	167,7	32,3	5,19
10	qa:dʁɪm 'бумага=моя'	81,8	184,0	80,3	57,6	96,4	152,3	47,6	3,20
11	qa:nʁɪm 'кровь=моя'	96,1	211,7	59,5	62,2	70,4	154,6	45,4	3,40
12	qa:nʁɪm 'кровь=моя'	79,0	151,5	96,4	71,1	102,2	136,2	63,9	2,10
13	qa:nʁɪm 'кровь=моя'	59,8	262,5	54,4	34,0	89,2	177,1	22,9	7,72
В среднем		85,9	215,3	59,1	53,1	86,7	160,4	39,6	4,06

В кумандинских три- и тетрасиллабах также реализуется тенденция к значительному удлинению этимологически краткого широкого гласного открытого слога перед слогом с узким гласным. Гласный, маркируемый позиционной долгой, может иметь любую локализацию в словоформе, кроме конечного слога: 1-й слог – *сагысқан* «sa:ɔʁɪsɣan» 'сорóка', *қомурсқа* «qo:muɣsɣa» 'насекомые'; 2-й слог в трисиллабах – *ташқары* «tʰ:qa:ɣɪ» 'наружу, на улицу', *ийттери* «jɪtɜ:ɾɪ» 'собаки=их'; 2-й слог в тетрасиллабах – *үредүчи* «yɾe:döɰɟɪ» 'учитель', *күнкөрүский* «kүнkө:ɣyskij» 'цветок-огонек'.

² СОД – средняя относительная длительность, СДГ – средняя длительность гласного, СДЗ – средняя длительность звука (в словоформе).

Таким образом, в языке кумандинцев в би- и полисиллабах с широким гласным в открытом слоге, предшествующем слогу с узким гласным, отмечается закономерное значительное удлинение этимологически кратких широких гласных *a, e, o, ö* перед узкими *ы, и, у, ү*, свидетельствующее о чередовании в данной позиции кратких широких гласных с долгими того же качества. Следовательно, в кумандинской вокалической системе, наряду с не завершившимся еще процессом образования стяженной долготы, в определенных фонетических условиях происходит фонологизация позиционной долготы гласных.

Чалканский язык. В языке чалканцев проблема позиционного удлинения открытых гласных рассматривалась на аудитивном уровне Н. Н. Феединой и Н. Н. Широковой [2019, с. 36–39]. В чалканском языке широкие гласные фонемы *a, e, o, ö* в первых открытых слогах словоформ-бисиллабов реализуются в более длительных репрезентациях перед узкими неогубленными гласными *ы, и* последующего слога, например, удлинение твердорядных гласных: *ат* ‘конь’ – *а:дым* ‘конь=мой’, *аиш* ‘пища’ – *а:жы* ‘пища=его’, *сат-* ‘продавать’ – *са:дын* ‘продав’, *от* ‘огонь’ – *о:дым* ‘огонь=мой’, *нар-* ‘идти’ – *на:рып* ‘уйдя’; удлинение мягкорядных гласных: *эр* ‘муж’ – *э:ры* ‘муж=ее’, *эт* ‘мясо’ – *э:дым* ‘мясо=мое’, *көс* ‘глаз’ – *кө:зым* ‘глаза=мой’.

Перед узкими огубленными гласными *у* и *ү* удлинения предшествующего широкого гласного не происходит: *алу* ‘дурак’, *палу* ‘болячка’, *тхайу* ‘пешком’, *каду* ‘твердый’, *койу* ‘густой’, *кану* ‘злой’, *крэлу* ‘неудачник’, *кецу* ‘брод’, *позу* ‘теленки’.

Тубинский язык. Проблема функционирования позиционной длительности гласных в туба-диалекте алтайского языка рассматривалась С. Б. Сарбашевой на экспериментальном материале [2004, с. 84–87]. Результаты обработки метрических данных, полученных на выборке из бисиллабов, в которых гласный 1-го открытого слога является широким *a, e, o, ö*, а гласный 2-го слога – узким *ы, и* (*пайым* [pɑːjɯm] ‘богатство=мое’, *пажым* [pɑːzɯm] ‘голова=моя’, *қазым* [qɑːzɯm] ‘гусь=мой’, *қарым* [qɑːɣɯm] ‘снег=мой’, *пежим* [peːzɯm] ‘пятерка=моя’, *пелим* [peːlɯm] ‘спина=моя’, *қолым* [qɑːlɯm] ‘рука=моя’, *жолым* [hɑːlɯm] ‘дорога=моя’, *пөжим* [pɑːɣɯm] ‘крышка=моя’, *көлим* [kɑːlɯm] ‘озеро=мое’), показали, что СОД широкого гласного составляет 215,1 % СДЗ, СОД узкого вокального компонента словоформы – 44,6 % СДЗ.

Таким образом, в туба-диалекте закономерность позиционного удлинения широких гласных реализуется очень контрастно: если в тубинском в бисиллабах со слоговой структурой типа CV-CVC широкий гласный превосходит по длительности узкий в 4,8 раза, то в кумандинском в тех же структурах – в 4,1 раза, в близкородственном хакасском языке – в 2,4 раза.

Алтайский язык. Проблематика позиционной долготы гласных в опорном диалекте алтайского литературного языка – алтай-кижи – рассматривалась с применением экспериментально-фонетических методов [Баданова, 2011, с. 51–58; Селюткина, Добринина, 2015, с. 375].

По данным Т. А. Бадановой, удлинение широких гласных *a, e, o, ö* перед узкими *ы, и* в рассматриваемом фонетическом контексте можно констатировать в алтайском языке не только в бисиллабах (*салым* [sa:lɯm] ‘судьба’, *јажыл* [hɑːzɯl] ‘зелёный’, *темир* [te:mɯr] ‘железо’, *одын* [oːdɯn] ‘топливо’, *төжим* [tɑːzɯm] ‘грудь=моя’), но и в цепочке аффиксов (*сура-* ‘спрашивать’, *сура + ган + ыс* [suɾɑːqɑːnɯs] ‘спрашивали’; *сүўн-* ‘радоваться’, *сүўн + ер + ин* [sɯːneːrɯŋ] ‘будешь

радоваться'), или в двуслововых аффиксах (-леси [-le:zi], -келек [-ke:lik], -калак [-qa:l̥ɣq]), а также в их фонетических вариантах.

Во всех словоформах широкий позиционно долгий гласный 1-го открытого слога превосходит по длительности узкий гласный 2-го слога в среднем в 1,9 раза, совпадая по качественным показателям со стяженными долгими гласными вторичного образования.

Как показал анализ акустических данных по локальным подговорам *усть-канского* и *усть-коксинского* говоров диалекта алтай-кижи, позиционная длительность довольно последовательно, хотя и менее контрастно, чем в сопоставляемых южносибирских тюркских языках, проявляется у открытых гласных перед слогом с более узким гласным (*ажы* «а:з̥» 'пища=его', *ангы* «а:ŋ̥» 'зверь=его', *тары* «та:г̥» 'порох=его', *каны* «qa:ŋ̥» 'кровь=его', *абыс* «а:b̥s» 'священник', *карып* «qa:г̥p» 'жаря'), реализуясь с различной степенью выраженности: в усть-канском говоре отношение $V_1 : V_2$ составляет в среднем 1,5, в усть-коксинском говоре – 1,2 раза.

На рис. 1, 2 представлены звуковые файлы, иллюстрирующие существенное удлинение алтайских этимологически кратких широких гласных *a*, *e* в препозиции к узким гласным *ы*, *и*.

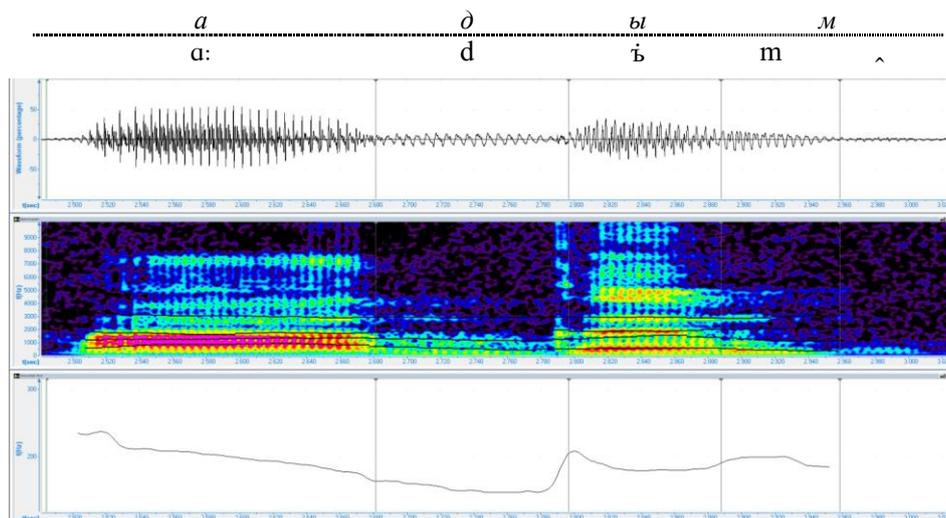

Рис. 1. Осциллограмма, спектрограмма и ЧОТ³ алтайской словоформы *адым* «a:dʲm» 'имя=мое'

Fig. 1. Oscillogram, spectrogram and pitch graph of the Altai word form *адым* "a:dʲm" 'my name'

³ ЧОТ – частота основного тона.

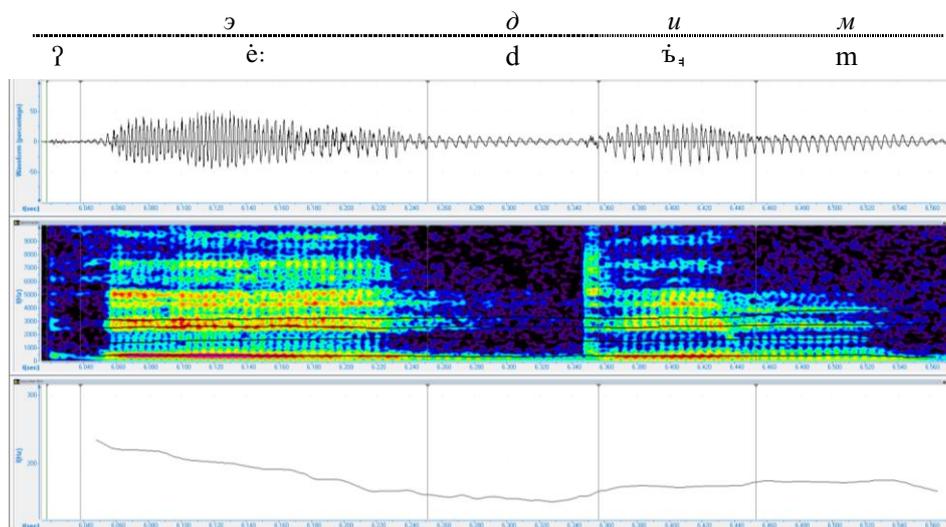

Рис. 2. Осциллограмма, спектрограмма и ЧОТ алтайской словоформы *эдим* «*e:d'ɛ₄m*» ‘мясо=мое’

Fig. 2. Oscillogram, spectrogram and pitch graph of the Altai word form *эдим* “*e:d'ɛ₄m*” ‘my meat’

Результаты вычислений квантитета гласных в алтайских три- и тетрасиллабах с неоднородной вокальной осью позволяют констатировать маркирование максимальной длительностью широких гласных открытых слогов в препозиции к слогу с узким вокальным компонентом независимо от позиции (неконечного) слога в словоформе.

Теленгитский язык. Слуховой анализ теленгитских бисиллабов, выполненный А. К. Дарыджы [2021, с. 77–79], показал, что все широкие гласные *a*, *e*, *o*, *ɔ* 1-го открытого слога удлиняются перед узкими гласными *ы*, *и*, *у*, *ү*: *a:зу* ‘клык’, *ба:лык* ‘рыба’, *э:жик* ‘дверь’, *те:мир* ‘железо’, *о:дун* ‘дрова’, *со:лун* ‘новость’, *ɔ:дүк* ‘обувь’, *бɔ:рүк* ‘шапка’.

В трехсловных словоформах позиционное удлинение широких гласных отмечается как в 1-м, так и во 2-м слогах открытого типа. Но при этом удлинению подвергаются лишь гласные *a*, *e* (в улаганском говоре *a*, *ä*) и только перед узкими гласными *ы*, *и*: *a:мыра-* ‘отдыхать’, *э:зирик* ‘пьяный’, *орта:лык* ‘остров’, *тене:ри*, *тенä:ри* ‘небо’, *кедä:ри* ‘прочь, в сторону’.

Тувинский язык. В тувинском каа-хемском говоре в дву- и трехсловных структурах в 1-м открытом слоге удлиняются все широкие гласные: *a*, *э*, *o*, *ө* перед слогом с узкими гласными *ы*, *и*, *у*, *ү* при условии, что 1-й и 2-й слоги разделены шумными звонкими *з*, *д*, *ж* или малозвонкими *м*, *л*, *н*, *р*, *й* согласными: *адыг* «*a:d'ɔq*» ‘медведь’, *демир* «*de:miŋ*» ‘железо’, *ожук* «*o:ziq*» ‘тренога’, *бөрү* «*bø:γü*» ‘волк’, *азырал* «*a:z'ɣal*» ‘кормление’, *одуруг* «*o:duɣuq*» ‘строка’, *эзирик* «*e:ziɾik*» ‘пьяный’, *өдүрек* «*ø:d'ɣrek*» ‘утка’ [Дамбыра, 2005, с. 165–182].

В трех- и четырехсловных словоформах во 2-м и 3-м открытых слогах удлиняются лишь широкие неогубленные гласные *a*, *э* (в соответствии с законами тувинского сингармонизма широкие огубленные в первом слоге не функциони-

руют) перед узкими гласными *ы, и*: *улажыр* «ula:зъг» ‘соединяться’, *хоралыг* «χога:льоq» ‘вредный’, *элезин* «ele:zin» ‘песок’, *өгленир* «өүle:nir» ‘жениться’; *азыраныр* «азъга:пъг» ‘кормиться’, *холурадыр* «χolura:dъг» ‘бурчать’, *өрүледир* «өгүle:dъг» ‘выше’, *белеткенир* «βeletke:nir» ‘готовиться’.

Экспериментальные данные свидетельствуют о существенном фонематическом удлинении широкого гласного открытого слога перед узким, при этом относительная длительность широких единиц превышает длительность следующего узкого гласного в 1,7–5,5 раза.

Барабинско-татарский язык. По аудитивным наблюдениям Т. Р. Рыжиковой, в языке барабинцев широкие гласные удлиняются при наращении притяжательных аффиксов, включающих в звуковую оболочку узкий гласный, в то время как аффикс множественного числа *-лар*, имеющий в составе широкий гласный, пролонгации не вызывает: *қас* ‘гусь’ – *қазым* ‘гусь=мой’, но *қаслар* ‘гуси’; *қаш* ‘бровь’ – *қажы* ‘бровь=его’, но *қашлар* ‘брови’; *қалақ* ‘лопатка’ – *қалағым* ‘лопатка=моя’, но *қалақлар* ‘лопатки’. Длительность гласного *а* корневого слога в бисиллабах *қазым, қажы, қалағым* при аффиксации увеличивается приблизительно в 2 раза.

Представленные примеры свидетельствуют о функционировании в языке барабинских татар тех же алгоритмов реализации процессов удлинения гласных в определенном фонетическом контексте, что и в других южносибирских тюркских языках: удлиняются широкие гласные (*қазым, баажы*) и лишь в открытом слоге перед слогом с (более) узким гласным, слоги при этом отделены звонким или малошумным согласным (*қазым, но қаслар*). Позиционная долгота появляется не только в 1-м слоге бисиллабов, но и во 2-м слоге трисиллабов в препозиции к гуттуральным согласным *г* и *г*: *қалағым, көлмәйге*.

Результаты исследований позиционной долготы гласных

Результаты анализа звуковых оболочек словоформ в южносибирских тюркских языках свидетельствуют о формировании в определенном фонетическом контексте и *фонологизации позиционной долготы гласных* наряду с незавершившимся еще процессом образования стяженной (вторичной) долготы.

В би- и полисиллабах южносибирских тюркских языков (хакасский, шорский, кумандинский, чалканский, тубинский, диалект алтай-кижи и его говоры (онгудайский, усть-канский, усть-коксинский), теленгитский, барабинско-татарский и тувинский) фиксируется регулярное значительное – вплоть до длительности стяженного гласного и более – удлинение в открытом слоге широкого этимологически краткого гласного *а, е (э), о, ө* (в тувинском *ө*), в хакасском также – этимологически широкого *и* (← **ä*), в теленгитском и барабинско-татарском *ä*, если за ним следует слог с узким гласным *ы, и* (в хакасском *і*), *у, ү* (в тувинском *ү*).

Обязательным условием реализации данной трансформации является отсутствие глухого (долгого, сильного) согласного или биконсонантного сочетания в постпозиции к широкому гласному – слоги с широким и узким вокальными компонентами словоформы должны быть разделены (полу)звонким либо сонорным согласным (кум. *ат* «at» ‘имя’ – *ады* «a:dъ» ‘имя=его’, но *қатын* «qatъn» ‘женщина’; хак. *адыр* «a:dъг» (междометие), но *атыр* «at:ъг» ‘заставь выстрелить’). При этом рассматриваемая закономерность наиболее ярко проявляется в лексемах с закрытым финальным слогом.

По показателям длительности позиционно долгий широкий гласный может не только совпадать со стяженным долгим гласным, но и превосходить его: в хакасском языке соотношение $V_1 : V_2$ в бисиллабах рассматриваемого типа составляет 1,5–3,1, в кумандинском – 1,7–4,06, в языке туба-кижи – 4,8 (разброс 3,7–7,3), в тувинском (каа-хемский говор) – 1,7–5,5.

Общая закономерность позиционной долготы имеет специфику реализации в конкретных идиомах. В хакасском языке все широкие гласные удлиняются до долгих только перед узкими *ы*, *и* и только в первом открытом слоге би- и полисиллабов. При этом регулярное удлинение кратких гласных до длительности стяженных долгих единиц происходит в тех случаях, когда 1-й и 2-й слоги разделены интервокальным кратким звонким или малозвонным согласным. В непервых слогах полисиллабов аналогичному чередованию подвергаются лишь широкие фонемы *а*, *э* и лишь в тех случаях, когда слог с широким гласным отделяется от слога с узким гласным консонантами *г* или *з*.

По особенностям реализации рассматриваемой тенденции язык кумандинцев отличается от хакасского языка. Широкие гласные пролонгируются и в непервых слогах, удлиняться перед узким гласным могут все широкие гласные любого открытого слога, причем не только перед *ы*, *и*, но и перед значительно менее частотными узкими *у* и *ү*, и не только в тех случаях, когда слоги разделены согласными *г* или *з*, но любыми звонкими и сонорными консонантами. Для языка кумандинцев точнее было бы говорить об удлинении всех гласных более широкого образования перед гласными более узкими. В этом язык кумандинцев сходен с шорским, где удлиняться перед последующим узким гласным может широкий гласный любого открытого слога.

Сопоставительный анализ показал, что в зависимости от фонетического контекста реализации закона позиционной долготы широких гласных все рассматриваемые южносибирские тюркские языки можно поделить на две группы.

Если в 1-м слоге би- и полисиллабов кумандинский, шорский, теленгитский и тувинский демонстрируют возможность удлинения всех широких гласных как перед неогубленными узкими *ы*, *и*, так и перед огубленными *у*, *ү* (тувинское *у*), то в хакасском, чалканском, тувинском, алтай-кижи и барабинско-татарском позиционная долгота фиксируется лишь перед нелабиализованными узкими *ы*, *и* (табл. 2).

Важно отметить, что теленгитский по данному признаку примыкает к кумандинскому – северному диалекту алтайского языка, а также к шорскому и тувинскому, а не к алтай-кижи, вместе с которым входит в южную группу алтайских диалектов. Тувинский и чалканский, традиционно квалифицируемые как североалтайские диалекты, напротив, обнаруживают сходство с южным диалектом алтай-кижи – опорным диалектом литературного языка. Причиной таких трансформаций, возможно, является наличие тувинских этнических компонентов в составе теленгитского этноса, а также более позднее его вхождение в состав России, вследствие чего он подвергся меньшему ассимилирующему воздействию со стороны нормированного языка по сравнению с чалканским и тувинским, испытывающими сильное давление со стороны языка более многочисленного титульного этноса Республики Алтай.

Таблица 2

Фонетический контекст реализации позиционной долготы гласных
в 1-м слоге би- и полисиллабов

Table 2

Phonetic context of realization of positional lengthening of vowels
in the 1st syllable of bi- and polysyllables

Язык	Широкий гласный 1-го слога					Соглас- ный		Узкий гласный 2-го слога			
	<i>a</i>	<i>e</i>	<i>o</i>	<i>ō</i> ¹	<i>u</i> ²	зв.	сон.	<i>ы</i>	<i>и</i> ³	<i>у</i>	<i>ү</i> ¹
Хакасский	+	+	+	+	+	+	+	+	+	–	–
Кумандинский	+	+	+	+	–	+	+	+	+	+	+
Шорский	+	+	+	+	–	+	+	+	+	+	+
Чалканский	+	+	+	+	–	+	+	+	+	–	–
Тубинский	+	+	+	+	–	+	+	+	+	–	–
Алтай-кижи	+	+	+	+	–	+	+	+	+	–	–
Теленгитский	+	+	+	+	–	+	+	+	+	+	+
Тувинский	+	+	+	+	–	+	+	+	+	+	+
Барабинский	+	+	0 ⁴	0	–	+	0	+	+	0	0

Таблица 3

Фонетический контекст реализации позиционной долготы гласных
в непервых слогах три- и полисиллабов

Table 3

Phonetic context of realization of positional lengthening of vowels
in non-first syllables of tri- and polysyllables

Язык ⁵	Широкий гласный предшествующего слога					Согласный		Узкий гласный последующего слога			
	<i>a</i>	<i>e</i> ⁶	<i>o</i>	<i>ō</i> ¹	<i>u</i> ²	зв.	сон.	<i>ы</i>	<i>и</i> ³	<i>у</i>	<i>ү</i> ¹
Хакасский	+	+	–	–	–	<i>z, ẓ</i>	–	+	+	–	–
Кумандинский	+	+	+	+	–	+	+	+	+	+	+
Шорский	+	+	+	+	–	+	+	+	+	–	–
Алтай-кижи	+	+	0	0	–	+	+	+	+	–	–
Теленгитский	+	+	–	–	–	+	+	+	+	–	–
Тувинский	+	+	–	–	–	+	+	+	+	–	–
Барабинский	+	+	0	0	–	<i>z, ẓ</i>	–	+	0	0	0

Примечания к таблицам 2 и 3:

¹ В тувинском письме используются литеры *ө* и *у*.

² В хакасском языке узкий переднерядный гласный *и* «i» 1-й степени отстояния сохраняет функциональные характеристики этимологически широкого гласного **ä*.

³ В хакасском языке используется литера *i*, обозначающая узкий гласный мягкого ряда «п̣».

⁴ Знак 0 означает отсутствие данных.

⁵ По языкам чалканцев и туба нет данных.

⁶ В улаганском говоре языка теленгитов и в языке барабинских татар в непервых слогах употребляется широкий переднерядный гласный *ä*.

Отмечаются расхождения в алгоритмах проявления закономерности позиционного удлинения широких гласных и в непервых слогах полисиллабов (табл. 3). Если широкие неогубленные гласные звуки *a*, *e* (улаганский, барабинско-татарский *ä*) удлиняются перед узкими *ы*, *и* (хакасский *i*) во всех рассматриваемых языках, то позиционно обусловленная долгота огубленных гласных *o* и *ö* (тувинский *ə*) перед узкими лабиализованными *y*, *ÿ* (тувинский *ÿ*) фиксируется лишь в кумандинском и телеутском, в которых, в соответствии с законами лабиального сингармонизма, нет запрета на употребление широких огубленных *o*, *ö* и узких *y*, *ÿ* в непервом слоге словоформы. Шорские гласные *o*, *ö* также подвергаются закономерной пролонгации, но в препозиции к неогубленным *ы*, *и* – лабиализованным *y*, *ÿ* в аффиксальных морфемах не употребляются.

Как уже отмечалось, специфика проявления закона позиционной долготы широких гласных в южносибирских тюркских языках определяется и качеством интервокального межслового согласного: если в хакасском и барабинско-татарском позиционное удлинение гласных непервого слога полисиллабов возможно лишь в препозиции к гуттуральным моноконсонантам *ɟ* и *ʒ*, то в остальных языках любой шумный звонкий или сонорный согласный, разделяющий слоги с широким и узким вокальными компонентами, не является препятствием для формирования позиционной долготы гласных.

Новые перспективы в изучении долготы гласных открывает положение о двудерности гласных как рефлексе более древнего языкового состояния [Уртегешев, 2021; Рыжикова и др., 2021; Селютина и др., 2003; Уртегешев, Кошкарева, 2018].

Заключение

Л. А. Покровская, впервые обратившая внимание на функционирование позиционной долготы широких гласных в гагаузском языке, считает ее нефонематичной. Однако такой трактовке противоречит следующее ее же замечание: «Согласно правилам орфографии, они не отражаются на письме, но в письменной практике ясно заметно стремление их отобразить» [Покровская, 1964, с. 38]. Следовательно, носители языка интуитивно ощущают фонематичность рассматриваемых долгот, а, как известно, самые точные фонологи – малограмотные представители этноса, говорящие на родном языке и умеющие писать, но плохо владеющие орфографией.

Удлинение широких гласных перед узкими носит столь выраженный характер, что позволяет говорить – исходя из системного подхода к трактовке фонетических явлений – о фонологизации позиционной долготы гласных и, следовательно, определять широкие гласные первых слогов рассматриваемых словоформ как реализации долгих фонем, которые следовало бы обозначать на письме удвоением соответствующего символа – аналогично стяженным долгим гласным.

Позиционное удлинение гласных было отмечено В. И. Филоненко в балкарском языке, проявление закономерности удлинения широких гласных перед узкими характерно также для языка сибирских татар, для тюркских языков Поволжья – татарского (западный диалект), башкирского, чувашского, описано в казахском и киргизском, зафиксировано в азербайджанском и туркменском.

Рассматриваемая закономерность систематического и последовательного удлинения широких гласных открытого слога перед узкими является типологически общей для тюркских кыпчакских языков, а также языков, подвергшихся сильной кыпчакизации.

Сибирский тюркоязычный ареал возник в результате перестройки более древнего тюркского ареала [Широбокова, 2015]. Е. И. Убрятова [1980] указывает на три источника длительного и одновременного процесса тюркизации в Южной Сибири: орхонско-тюркского, древнеуйгурского и древнекыргызского. Хронологически это увязывается с древнетюркским каганатом (до 745 г.), с древнеуйгурским каганатом (745–840 г.), кыргызским каганатом (после 840 г.). Следы древнетюркского в языках Южной Сибири отсутствуют, но хорошо прослеживаются в якутском; следы древнеуйгурского отчетливо сохранились в тувинском и тофском. Современные тюркские языки Сибири, кроме якутского, все кыпчакские. Источником этой кыпчакизации мог быть язык древних кыргызов, оставивший яркий след в современных тюркских языках Сибири.

Как отмечалось выше, позиционная долгота гласных наблюдается и в тувинском языке (каа-хемский говор), хотя тувинский язык не относится к кыпчакско-тюркской группе. В генеалогической классификации Н. А. Баскакова он отнесен к уйгуро-огузской группе тюркских языков; А. М. Щербак выделяет тувинский язык вместе с тофаларским и уйгуро-урянхайским в отдельную урянхайскую группу [1994, с. 27–42]; в «Сравнительно-исторической грамматике ...» эти же языки объединены в тобаскую, или урянхайскую, группу [2002, с. 5, 600–660].

В процессе исторического развития тувинский язык испытал сильное воздействие языка кыргызов [Убрятова, 1980]. Тувинцы усвоили грамматику кыпчакско-тюркского типа, но сохранили собственно древнетюркскую фонетику, воспринятую и видоизмененную через призму артикуляционно-акустической базы, свойственной древним чикам [Наделяев, 1986]. Уйгуро-огузская фонетическая система в тувинском языке в основном сохранилась, пережив, тем не менее, определенные трансформации. Следы влияния кыпчакских тюркских языков проявляются в тувинской фонетике, в частности в развитии подсистемы позиционной долготы гласных.

Тот факт, что даже в тувинском языке уйгуро-огузского типа, сохранившем доминантные принципы древнетюркской звуковой системы, несмотря на длительный период активного взаимодействия с языком кыргызов, реализуется, тем не менее, свойственное кыпчакским языкам позиционное удлинение гласных, свидетельствует о продуктивности рассматриваемого фонетического явления, о восприимчивости тюркских языков к его глубокому укоренению и динамичному распространению.

Гагаузский язык, фонетической системе которого также свойственна позиционная долгота гласных, принадлежит к огузской группе тюркских языков. Вместе с тем в литературе выдвигаются гипотезы о происхождении гагаузского от печенежского, куманского языков, которые исследователи относят к кыпчакским, либо занимающим промежуточное положение между кыпчакскими и огузскими. Азербайджанский, туркменский – тюркские языки огузской группы, но вобравшие в себя элементы языков кыпчакского ареала. Чувашский – язык болгарской группы, испытавший сильное контактное воздействие со стороны казанско-татарского и мишарского языков.

Таким образом, при проведении исследований историко-сравнительного характера распространение на фонетическую систему языка действия закономерности позиционного удлинения широких гласных, являющейся типологически общей для языков кыпчакских или сильно кыпчакизированных, может служить маркером наличия в этническом образовании кыпчакско-тюркских компонентов и свидетельствовать о одновременных и разнохарактерных взаимодействиях с языками кыпчакской группы.

Список литературы

- Баданова Т. А.* Словесное ударение в алтайском языке в сопоставительном аспекте. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2011. 316 с.
- Бирюкович Р. М.* О первичных долгих гласных в чулымско-тюркском языке // Сов. тюркология. 1975. № 6. С. 55–67.
- Боргояков М. И.* Об образовании и развитии некоторых долгих гласных в хакасском языке // Учен. зап. Хакасского НИИЯЛИ. Абакан, 1966. Вып. 12. С. 81–98.
- Дамбыра И. Д.* Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 224 с.
- Дарыджы А. К.* Говоры теленгитского диалекта алтайского языка (в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири). Новосибирск: Академиздат, 2021. 384 с.
- Кыштымова Г. В.* Состав и системы гласных фонем сагайского и качинского диалектов хакасского языка. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 152 с.
- Наделяев В. М.* У истоков тувинского языка // Исследования по тувинской филологии. Кызыл, 1986. С. 53–63.
- Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1964. 298 с.
- Рыжикова Т. Р.* Изучение звуковой системы языка барабинских татар: к проблеме выделения фонем // Тумашевские чтения: актуальные проблемы тюркологии. Тюмень, 2007. С. 168–173.
- Рыжикова Т. Р., Добринина А. А., Тимкин Т. В.* Изучение прерывистых гласных сургутского диалекта хантыйского языка методом прямой цифровой ларингоскопии: предварительные результаты // Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 1. С. 102–111.
- Сарбашева С. Б.* Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 242 с.
- Селютин И. Я.* Кумандинский вокализм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 184 с.
- Селютин И. Я., Добринина А. А.* Вариативность реализации квантитативных характеристик гласных в территориальных говорах диалекта алтай-кижи // Идель – Алтай: история и традиционная культура народов Евразии. Горно-Алтайск, 2015. С. 373–378.
- Селютин И. Я., Уртегешев Н. С., Рыжикова Т. Р., Вильданов А. З.* Язык барабинских татар // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2003. С. 78–106.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М.: Наука, 2002. 767 с.
- Убрятова Е. И.* Следы древних тюркского, уйгурского и киргизского языков в современных тюркских языках Сибири // Языки народов Сибири. Кемерово, 1980. С. 16–30.
- Уртегешев Н. С.* Фоניко-фонологическая система шорского языка в южносибирском тюркском контексте: Дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2021. 583 с.
- Уртегешев Н. С., Кошкарева Н. Б.* Инвентарь прерывистых гласных фонем в сургутском диалекте хантыйского языка // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 180–207. DOI 10.17223/18137083/62/13
- Федина Н. Н., Широбокова Н. Н.* Фонетические и морфологические особенности чалканского языка. Новосибирск: Академиздат, 2019. 188 с.

Широбоква Н. Н. О смене классификационного типа (на материале тюркских языков Сибири) // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 242–250.

Щербак А. М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб.: Наука, 1994. 192 с.

References

Badanova T. A. *Slovesnoe udarenie v altayskom yazyke v sopostavitel'nom aspekte* [Verbal stress in the Altai language in the comparative aspect]. Novosibirsk, NSU Publishing and Printing Center, 2011, 316 p.

Biryukovich R. M. O pervichnykh dolgikh glasnykh v chulymsko-tyurkskom yazyke [About primary long vowels in the Chulym-Turkic language]. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1975, no. 6, pp. 55–67.

Borgoyakov M. I. Ob obrazovanii i razvitiu nekotorykh dolgikh glasnykh v khakasskom yazyke [About the formation and development of some long vowels in the Khakass language]. *Scientific notes of KhRILLH*. Abakan, 1966, iss. 12, pp. 81–98.

Dambyra I. D. *Vokalizm kaa-khems kog o govora v sopostavlenii s drugimi govoram i dialektami tuvinskogo yazyka* [Vocalism of the Kaa-Khem dialect in comparison with other dialects and sub-dialects of the Tuvan language]. Novosibirsk, Sova Publ. House, 2005, 224 p.

Darydzhy A. K. *Govory telengitskogo dialekta altayskogo yazyka (v sopostavlenii s tyurkskimi yazykami Yuzhnoy Sibiri)* [Sub-dialects of the Telengit dialect of the Altai language (in comparison with the Turkic languages of Southern Siberia)]. Novosibirsk, Akademizdat, 2021, 384 p.

Fedina N. N., Shirobokova N. N. *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti chalkanskogo yazyka* [Phonetic and morphological features of the Chalkan language]. Novosibirsk, Akademizdat, 2019, 188 p.

Kyshtymova G. V. *Sostav i sistemy glasnykh fonem sagayskogo i kachinskogo dialektov khakasskogo yazyka. Eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie* [The inventory and systems of vowel phonemes of the Sagai and Kachin dialects of the Khakass language. Experimental phonetic research]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 2001, 152 p.

Nadelyaev V. M. U istokov tuvinskogo yazyka [At the origins of the Tuvan language]. In: *Issledovaniya po tuvinskoy filologii* [Studies in Tuvan philology]. Kyzyl, 1986, pp. 53–63.

Pokrovskaya L. A. *Grammatika gagauzskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Gagauz language. Phonetics and morphology]. Moscow, Nauka, 1964, 298 p.

Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A., Timkin T. V. Izuchenie preryvistykh glasnykh surgutskogo dialekta khantyyskogo yazyka metodom pryamoy tsifrovoy laringoskopii: predvaritel'nye rezul'taty [Study of interrupted vowels of the Surgut dialect of the Khanty language by direct digital laryngoscopy: preliminary results]. *Bulletin of Ugric Studies*. 2021, vol. 11, no 1, pp 102–111.

Ryzhikova T. R. Izuchenie zvukovoy sistemy yazyka barabinskikh tatar: k probleme vydeleniya fonem [Studying the sound system of the language of the Barabinsk Tatars: on the problem of phoneme allocation]. In: *Tumashevskie chteniya: aktual'nye problemy tyurkologii* [Tumashev readings: actual problems of Turkology]. Tyumen, 2007, pp. 168–173.

Sarbasheva S. B. *Fonologicheskaya sistema tuba-dialekta altayskogo yazyka (v sopostavitel'nom aspekte)* [Phonological system of the Tuba dialect of the Altai language (in a comparative aspect)]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 2004, 242 p.

Selyutina I. Ya., Dobrinina A. A. Variativnost' realizatsii kvantitativnykh kharakteristik glasnnykh v territorial'nykh govorakh dialekta altay-kizhi [Variability of the implementation of quantitative characteristics of vowels in the territorial dialects of the Altai-Kizhi dialect]. In: *Idel' – Altay: istoriya i traditsionnaya kul'tura narodov Evrazii* [Idel–Altai: history and traditional culture of the peoples of Eurasia]. Gorno-Altaysk, 2015, pp. 373–378.

Selyutina I. Ya. *Kumandinskiy vokalizm. Eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie* [Kumandinsky vocalism. Experimental phonetic research]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 1998, 184 p.

Selyutina I. Ya., Urtegeshev N. S., Ryzhikova T. R., Vil'danov A. Z. Yazyk barabinskikh tatar [The language of the Barabinsk Tatars]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2003, pp. 78–106.

Shcherbak A. M. *Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie tyurkskikh yazykov* [Introduction to the comparative study of Turkic languages]. St. Petersburg, Nauka, 1994, 192 p.

Shirobokova N. N. O smene klassifikatsionnogo tipa (na materiale tyurkskikh yazykov Sibiri) [On the change of classification type (based on the material of the Turkic languages of Siberia)]. *Siberian Journal of Philology*. 2015, no. 4, pp. 242–250.

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Regional'ye rekonstruktsii [Comparative historical grammar of the Turkic languages. Regional reconstructions]. Moscow, Nauka, 2002, 767 p.

Ubryatova E. I. Sledy drevnikh tyurkskogo, uygurskogo i kirgizskogo yazykov v sovremennykh tyurkskikh yazykakh Sibiri [Traces of ancient Turkic, Uighur and Kyrgyz languages in modern Turkic languages of Siberia]. In: *Yazyki narodov Sibiri* [Languages of the peoples of Siberia]. Kemerovo, 1980, pp. 16–30.

Urtegeshev N. S. *Foniko-fonologicheskaya sistema shorskogo yazyka v yuzhnosibirskom tyurkskom kontekste* [The phonological-phonological system of the Shorian language in the South Siberian Turkic context]. Dr. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2021, 583 p.

Urtegeshev N. S., Koshkareva N. B. Inventar' preryvistykh glasnnykh fonem v surgutskom dialekte khantyyskogo yazyka [Inventory of interrupted vowel phonemes in the Surgut dialect of the Khanty language]. *Siberian Journal of Philology*. 2018, no 1, pp. 180–207.

Информация об авторе

Ираида Яковлевна Селютина, доктор филологических наук, профессор
Scopus Author ID 56610310100, WoS Researcher ID F-1749-2017
RSCI Author ID 73674

Information about the author

Iraida Ya. Selyutina, doctor of philology, professor
Scopus Author ID 56610310100, WoS Researcher ID F-1749-2017
RSCI Author ID 73674

*Статья поступила в редакцию 16.08.2022;
одобрена после рецензирования 26.08.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 16.08.2022;
approved after reviewing 26.08.2022; accepted for publication 26.08.2022*